

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Путь
к сокровищам
указан в старинном
дневнике...

Ольга БАСКОВА

**Сокровища баронессы
фон Шейн**

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Сокровища баронессы фон Шейн

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Сокровища баронессы фон Шейн / О. Баскова — «Эксмо»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-117363-0

В своем доме найден мертвым Игорь Илларионов – краевед и борец за местный музей. Последние годы он общался только с соседом Зямой, и, по его словам, Игорь был одержим идеей отыскать какой-то клад. О том, где этот клад спрятан, якобы можно прочесть в дневнике его прабабки – известной мошенницы Ольги фон Шейн. Всю свою жизнь она обкрадывала влиятельных людей и складывала их драгоценности в большую деревянную шкатулку, которую незадолго до своей смерти где-то надежно спрятала...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117363-0

© Баскова О., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Баскова

Сокровища баронессы фон Шейн

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Серия «Артефакт & Детектив»

Редактор серии А. Антонова

Оформление С. Курбатова

© Баскова О., 2020 © Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1

Петербург, 1889

Ювелир Зельд Сегалович, высокий пятидесятилетний мужчина с брылами на смуглых щеках, называемыми в народе «собачьими радостями» и действительно делавшими его похожим на бульдога, впрочем, очень добродушного, пробежал пальцами по длинному хрящеватому носу и тяжело вздохнул. Филиал парижской компании, который он открыл в Петербурге несколько лет назад и который позволял ему снабжать драгоценностями «сливки общества», трещал по швам. Черная полоса – так, кажется, говорят в таких случаях, мол, потом обязательно наступала белая, ибо жизнь полосатая, как зебра. Однако бедняга ювелир не верил в белую полосу. Только-только о нем заговорили в столице, высокопоставленные клиенты рекомендовали его не менее высокопоставленным друзьям, и одно время он даже подумывал о расширении бизнеса. Все рухнуло в один день, нищета издавна уже протягивала к нему свои костлявые когтистые пальцы.

Еще немного, и придется проститься с сытой беззаботной жизнью. Зельд с горечью подумал, что они с женой к этому готовы, они знавали горькие дни, когда едва хватало на хлеб. Но вот дети... Два его отпрыска никогда ни в чем не знали отказа, учились в лучших пансионах столицы. Что же будет с ними? Что будет с любимой дочерью, красавицей Ольенькой, привыкшей к роскоши?

Ювелир застонал, сжал холодными ладонями горящую голову и быстро прошел в кабинет, попросив прислугу пригласить его жену Марту.

Его супруга, угловатая, сухопарая, с резкими чертами лица, носом-клювом и черными как вороново крыло волосами, собранными в высокую прическу, появилась на пороге и взглянула в воспаленные глаза мужа. Она сразу все поняла.

– Это... Это произошло? – тихо спросила женщина и тяжело опустилась на стул с высокой кожаной спинкой. – Мы разорены?

Он замялся:

– Марта, надо подождать... Год, два, три. Черт его знает сколько. Но мы выкарабкаемся. Я уверен.

Женщина опустила голову, и обвисшая (она похудела от переживаний за считанные дни) кожа собралась в гармошку на впалых щеках с красными пятнами.

– Я тебя понимаю, Зельд, но что будет с детьми? Меня беспокоит Ольенька. Ты в курсе, что за ней всерьез ухаживает сын князя Раховского? Если родители узнают, что она бесприданница, то сделают все, чтобы разлучить их.

Ювелир поднялся, подошел к жене и прижал ее голову к своему круглому животу.

– Успокойся, Марта. Если этот молодой человек любит ее, возьмет и без приданого. И тогда никто ни за что на свете не разлучит их. Если же князь нацелился на богатство – что ж, тогда моей дочери лучше как можно скорее расстаться с этим хлыщом.

Марта подняла голову и посмотрела на мужа:

– К сожалению, деньги в обществе играют не последнюю роль. Кому, как не тебе, это знать. Бедная моя девочка! Кто из нас возьмет на себя смелость сказать ей, что она бесприданница?

По морщинистой щеке покатилась слеза. Зельд аккуратно вытер лицо жены шелковым платком и попытался ее утешить:

– Ну, пока я не считаю нужным говорить дочери, что она бесприданница и что это как-то повлияет на ее брак. Может быть, все образуется. Как ты думаешь?

– Я буду молчать, – согласилась супруга, поднимаясь и прислушиваясь к звуку колокольчика. – Вот, кажется, и она. – Марта мельком взглянула на огромные настенные часы с хриплоголосой кукушкой – подарок ее покойной матери на свадьбу. – Занятия в пансионе уже давно закончились. Наверное, опять пропала в парке со своим ухажером. – Она постаралась улыбнуться, но у нее получилась лишь скорбная гримаса. – Пойдем, Зельд. Пора обедать. И держись, прошу тебя.

Он покорно наклонил голову, и женщина, одернув длинное темно-коричневое платье, направилась к двери и открыла ее, не заметив, что двенадцатилетний сын Марк, как испуганный олененок, метнулся быстрее молнии в конец коридора.

Красавица Оленька, с румяными от мороза щеками, улыбаясь, подошла к матери. Несколько секунд Марта любовалась высокими скулами, пухлыми губами и чуть раскосыми черными, в обрамлении густых загнутых кверху ресниц, глазами дочери. Да, Оленька настоящая красавица, достойная носить титул графини или княгини. Марта боялась признаться, что она любила старшую дочь больше, чем сына, когда та была маленькой, всюду таскала ее за собой, рассказывала ей сказки, одевала, как куклу, разучивала романсы, произносила нескончаемые монологи, полные теплоты и нежности. Будущая жизнь девочки представлялась ей в самом радужном свете. Марта мечтала о том, что Оленька выйдет замуж за титулованную особу и добьется того, чего не удалось добиться ей – блестящего положения в обществе. И вот, когда мечта была так близка к осуществлению...

– Мамочка, – ничего не подозревавшая Оля прижалась к теплому плечу матери холодной розовой щечкой, – если бы ты знала, как хорошо на улице! Снежок такой мягкий, пушистый! Деревья в парке как невесты – все в белом. А воздух! О, это что-то невероятное!

– Опять гуляла после занятий, проказница? – усмехнулась Марта и погладила такие же иссиня-черные, как у нее, волнистые волосы дочери. – С Мишелем Раховским?

– Ну да. – Оленька расхохоталась. – Мамочка, мне кажется, что скоро Мишель сделает мне предложение.

Марта сжала ее пальчики.

– Ты очень любишь его?

– Очень, – призналась дочь. – И очень хочу стать его женой. Мамочка, можно я сразу скажу «да», если он сделает мне предложение? Это не будет моветоном, верно?

Мать сжала губы, нервно сглотнула:

– Да, конечно, только... Ты уверена, что он собирается его делать?

Оленька хлопнула в ладоши и капризно надула пухлые губы, как бы удивляясь вопросу родного человека:

– Мамочка, ну разумеется.

Марта отвернулась и смахнула слезу:

– Тогда все в порядке, доченька. Иди переодевайся к обеду.

Легкая, как птичка, Оленька впорхнула к себе в комнату и, стащив нарядное платье, натянула другое, домашнее, серое и скромненькое, покрутилась перед овальным зеркалом и осталась довольна собой.

– Хороша, ах как хороша! – сообщила она своему отражению. Когда кто-то тихо постучал в дверь, девушка звонко и радостно крикнула: – Входите!

Черноглазый, смуглый, как галчонок, с длинным острым, как у матери, носом, Марк протиснулся в комнату сестры.

– Оля, к тебе можно?

– Конечно, – откликнулась сестра, не в силах оторвать взгляд от своего отражения. – Проходи.

Мальчик подошел к стулу с высокой спинкой и влез на него, поглядывая на сестру. И Оля, и родители замечали, что у Марка был недетский, очень серьезный взгляд, он словно буравил людей и предметы глазенками-черносливами.

– Ты что хотел? – бросила Оля, расчесывая шикарные волосы – нехитрое, но богатое украшение к скромному платью.

– Оля, а что такое бесприданница? – выпалил мальчик, серьезно, не по-детски посмотрев на сестру.

Оленька покусывала губы, чтобы сделать их ярко-красными – мама не разрешала пользоваться помадой.

– Где ты это услышал, Марк?

– Папа и мама говорили о тебе и произносили это слово. – Марк принялся болтать ногами и сопеть. – Что это означает?

Девушка застыла на месте, ее розовые свежие щеки побледнели.

– Говорили обо мне? Ты уверен? Откуда ты знаешь?

– Я подслушивал. – Мальчик смутился и опустил голову.

– Подслушивал? – Оля нахмурила брови. – Зачем? Тебе известно, что это некрасиво. – Ее голосок оборвался, как прерванная мелодия. – Впрочем, ладно, подслушал и подслушал. Один раз можно. – Она присела возле ребенка и погладила его по жидким волосам. – Марик, милый, скажи, о чем говорили папа с мамой.

– Мама боялась, что Мишель не возьмет тебя в жены, а папа уверял, что возьмет, если любит, – выпалил Марк.

Оля прерывисто задыхалась, ноздри тонкого маленького носа раздулись. Теперь она поняла, почему мама так печально смотрела на нее, когда она, радостная, предвкушавшая объяснение в любви и предложение руки и сердца, поверяла ей свои тайны. Но как получилось, что их семья осталась без денег? Неужели папа разорился? Да нет, не может быть, он такой успешный ювелир... Только в его салоне самые дорогие украшения... И весь Санкт-Петербург... Она сжала кулаки и побледнела. В жизни бывает всякое. Богатые и успешные тоже разоряются. Она знала, чувствовала, что в их семье что-то происходило. Напряжение будто витало в воздухе, но Оля гнала от себя грустные мысли. Упоенная любовью, она многое не хотела замечать. Девушка задрожала и без сил опустилась в кресло, закрыв лицо руками. Марк вскочил со стула и подбежал к сестре:

– Оля, тебе плохо?

– Марк, милый, – Оля отняла руки от хорошенького скуластого личика, залитого слезами, – пожалуйста, иди в гостиную. Я скоро выйду к обеду.

Мальчик на мгновение обнял ее тонкими ручонками и убежал. Оля встала, подошла к зеркалу, разглядывая тонкое бледное лицо, чтобы еще раз убедиться в своей привлекательности. На белоснежной коже лихорадочно блестевшие черные глаза казались огромными бездонными ямами.

«Я красива, – подумала девушка, – Мишель не бросит меня, я в этом уверена. Да, да, во-первых, он порядочный человек, офицер, во-вторых, папа прав: он любит меня. Даже если мы остались без денег, это не повод, не повод, чтобы бросить меня».

Эта мысль ее успокоила, девушка задыхалась ровнее, на щеках показался румянец. Завязав в конский хвост роскошные волосы, она побежала в гостиную. Горничная уже накрыла стол, и глава семьи в ожидании дочери нервно постукивал пальцами по белоснежной скатерти.

– Папочка, мамочка, извините, я задержалась. – Стараясь не показать волнения, Оля звонко чмокнула Марту и, подбежав к отцу, обняла его и села рядом. – Что у нас сегодня на обед? Как вкусно пахнет! О, моя любимая фаршированная рыба!

Девушка положила на тарелку кусок рыбы и немного картофеля и принялась есть, медленно, чинно и аккуратно, оставив мизинец, как учила ее мать. Она заметила, что отец искоса поглядывал на нее, ждала, что он что-нибудь спросит, но ювелир молчал. Иногда его худое лицо искажала болезненная гримаса, но он тут же наклонял голову, чтобы родные не заметили его страдания. Мысль о разорении не давала ему покоя, жгла раскаленным железом, и Сегалович не знал, не представлял, как обеспечить родным достойную жизнь. Конечно, если бы Оленька вышла замуж за Раховского, многое бы разрешилось. Сын князя вряд ли позволит голодать семье своей жены.

Марте, сидевшей напротив него, тоже кусок не шел в горло, но она старалась этого не показывать. Оленька же была на удивление спокойна. Вспоминая свое отражение в зеркале, без лести говорившее, словно волшебное зеркало из сказки, что прекрасней ее нет никого на свете, она все больше и больше укреплялась в мысли, что Мишель ее не оставит. Он такой честный, благородный и невероятно красивый! Едва покончив с обедом, девушка вскочила и улыбнулась:

– Папочка, мамочка, извините. Мишель пригласил меня в городской сад.

– На каток? – поинтересовался Марк с набитым ртом. – Сестрица, будь другом, возьми меня с собой.

– Не могу, Марик. – Оля дружески подмигнула брату. – Ты же понимаешь...

– Тили-тили-тесто! – крикнул мальчик и чуть не свалился со стула от смеха.

– Иди, иди, дорогая, – поторопил ее отец. – Катание – это прелесть. Сами когда-то баловались, помнишь? – Он нежно улыбнулся жене, и Марта покраснела.

– Какие вы у меня хорошие! – Счастливая Оленька прижала руки к груди и выпорхнула в коридор. Заскочив в свою комнату, она быстро переоделась, схватила коньки в прихожей и бросилась на свидание с любимым.

Глава 2

Наши дни

Слесарь РЭПа Южноморска, шестидесятилетний Павел Зимин, получивший у местных алкашей прозвище Зяма, в теплый июньский воскресный день приговорив утреннюю порцию горячительного, почувствовал желание излить кому-то душу. Им часто овладевала потребность пообщаться с кем-нибудь, порой даже неважно с кем. Кто попадет под руку – тот и друг, тому он и расскажет, как мерзкая женушка, с которой они не развелись официально, но вместе не жили уже добрый десяток лет, не пускает на порог, чтобы увидиться с внуками, не дает денег, когда он страдает похмельем, и вообще стерва, каких свет не видывал. Потом, щедро полив жену грязью, он переходил к начальству, никогда его не ценившему и постоянно грозившему увольнением. В такие минуты Зяма начинал ораторствовать, клеймить позором всех и вся, обещал уволиться с работы, не дававшей нормальные средства к существованию, но обычно дальше разглагольствований дело не шло. Наутро он отправлялся в РЭП, выслушивал отповедь начальника и, с вожделением думая о запотевшей бутылке, ждавшей его в холодильнике, с неохотой шел по вызовам. По воскресеньям Павел начинал пить с девяти утра, в десять уже был, как говорят, «готовенький» и жаждущий общения.

Отодвинув стакан, Зяма подошел к окну, поглядел на свой заброшенный огород, на соседский забор сотрудника краеведческого музея Игоря Илларионова, такого же, как и он, одинокого, полгода назад похоронившего жену, и решил навестить его. Илларионов, пожалуй, был из тех немногих людей, кто жалел беспутного Зяму, всегда ссужал его деньгами и не отказывался поговорить. После смерти жены никогда не выпивавший Игорь стал составлять Павлу компанию, иногда не только слушая соседа, но и рассказывая о своих проблемах. И ему становилось легче, во всяком случае, он сам так говорил. Поистине водка творит чудеса!

Зяма хлопнул по подоконнику с облупившейся белой краской и пошел к двери. В голове рисовалась радужная картинка. Сейчас он навестит соседа, и они выпьют и поболтают по душам. Мужчина сунул ноги в старые-престарые шлепки и, забыв закрыть дверь, бодро пошел на участок Илларионова, думая, что не видел соседа уже дня три.

Обычно летом Игорь часто возился в своем огороде (после смерти жены он продолжал ухаживать за деревьями, а весной посадил помидоры и огурцы, наверное, только для того, чтобы отвлечь себя от грустных мыслей, от одиночества – детей у супругов не было). Ухоженный одноэтажный домик краеведа выглядел каким-то грустным и заброшенным, и Зяма подумал, что, возможно, Игорь уехал куда-нибудь, в какой-нибудь санаторий, не сказав ему ни слова.

Павел толкнул калитку, и она, на его удивление, отворилась. Удивленный Зяма прошел на участок, осторожно ступая по выложенной битым кирпичом тропинке, и, оказавшись на крыльце, постучал в дверь.

Обычно Игорь открывал почти сразу, словно радуясь любому гостю, а теперь медлил. Скорее всего, его действительно не было дома. Однако Зяма не хотел сдаваться и подергал дверь. Она оказалась запертой.

«Черт, наверное, действительно куда-то укатил, – подумал Зимин с неудовольствием. – Ладно, придется идти на соседнюю улицу, к старому другу Ваньке». У Ваньки, правда, была сварливая жена, и когда она грозилась выдрать Зяме последние волосы, он вызывал друга во

двор побазарить. Ванька составлял ему компанию до тех пор, пока его мегера не появлялась на горизонте со сковородой, тогда Зимин поспешно ретировался. Иногда мегера уходила по магазинам, на шопинг, как выражался друг, и тогда друзья напивались до поросычьего визга. Может быть, сегодня повезет и она опять потащится на свой шопинг? Зяма улыбнулся, спустился с чисто выметенного крыльца, ступил было на дорожку, но в последнюю минуту какая-то сила подтолкнула его к окну, и, придвинув ящик, одиноко стоявший возле старой сливы, слесарь забрался на него и припал к стеклу.

– Матушка моя! – Он чуть не свалился с ящика, замахал руками, чудом удержавшись, как заправский канатоходец, прыгнул, побежал по дорожке, размахивая руками. Увидев соседку, тетю Клаву, полную степенную женщину с двумя кошелками, он закричал что было мочи:

– Полицию вызывай, быстрее, старая. Полицию!

Тетя Клава дернулась от испуга, охнула, уронила сумки и чуть не села в серую пыль.

– Что орешь, алкаш? – напустилась она на Зяму, белого как мел. – Что людей пугаешь, придурок?

– Там... – Длинный желтый ноготь с траурной каймой вытянулся в сторону дома Илларионова. – Там Игорь. Он... того... Мертвый.

– Да что ты городишь? – Клава вдруг осеклась и прошептала: – То есть как мертвый?

– Мертвее не бывает, – буркнул Зяма, шмыгая вислым красным носом. – Будешь вызывать полицию или нет? У меня городской за неуплату отключили.

– Иду, Паша, иду. – Женщина засеменила, как утка, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Кинув сумки на крыльцо, она побежала к телефону и, набрав две всем известные цифры, заорала в трубку:

– Полиция? Немедленно приезжайте.

Глава 3

Санкт-Петербург, 1889

Каток Таврического сада был самым популярным у золотой молодежи Санкт-Петербурга. Старожилы рассказывали, что когда-то Александр Второй решил устроить своим подрастающим сыновьям небольшое развлечение – залить каток в Таврическом саду. Но не только молодые князья проводили здесь время. К ним, как магнитом, притягивало знатную молодежь. Все хотели познакомиться и пообщаться с августейшими особами, и в результате это место стало чуть ли не самым оживленным в Петербурге.

Конечно, не все желающие могли позволить себе такое развлечение. Таврический сад находился на территории дворца и, разумеется, охранялся, поэтому публику пускали на каток только по специальным билетам, которые выдавала Канцелярия Министерства Императорского двора.

Конечно, детям ювелира Сегаловича вход сюда был бы закрыт, даже если бы они владели копиями царя Соломона. Но молодой князь Раховский припасал для своей возлюбленной билетик, и они наслаждались катанием, бросая заинтересованные взгляды на членов царской семьи, с которыми можно было запросто пообщаться – да, именно запросто, не как с небожителями. Оля понимала, что здесь не только веселятся и наслаждаются обществом друг друга, как они с Мишелем. Более солидные люди что-то обсуждали, о чем-то спорили – словом, на катке будто существовал какой-то свой мир, загадочный и очень притягательный.

Когда девушка, покрасневши от мороза, подбежала к входу, князь, высокий, стройный брюнет с короткими усиками, украшавшими верхнюю губу и придававшими его мальчишескому лицу более солидное выражение, схватил ее за руку.

– Нехорошо заставляешь себя ждать, мадемуазель. – Он достал из кармана шинели часы на золотой цепочке и открыл крышечку. – Смотрите: уже половина третьего.

– Извините, Мишель. – Оля ни капельки не смутилась. Одна знатная дама когда-то сказала ей, что девушка должна опаздывать. – Я не могла не пообедать вместе со всеми. Впрочем, папа все равно не отпустил бы меня без обеда.

Кавалер надул щеки, готовый расхохотаться, и издал звук, похожий на тот, который издает лопнувший воздушный шар.

– Тогда вперед.

Он протянул девушке руку, она оперлась на нее, и молодые, счастливые, они вбежали на территорию катка.

Сев на скамеечку, девушка стала обувать коньки. Она давно поняла, что обувь должна быть кожаная (бархатные теплые башмаки не подходили для этой забавы, потому что быстро становились сырыми и холодили ноги). Оленька выпросила у матери коричневые сапожки с толстой подошвой и каблучками средней высоты. Пока девушка возилась с противным винтом на коньке, который никак не хотел входить в отверстие каблучка, Мишель уже вознал в подошву три небольших гвоздика, уверенно встал и ударил коньками о лед, проверяя, хорошо ли они вошли в подошву, а потом, поклонившись каким-то господам, позвал Олю.

– Ну поехали, прошу вас, Ольга Зельдовна.

Девушка с удовольствием протянула ему ладошку:

– Я уже готова.

Рука об руку они покатались по сверкающему льду. Оленька, не забывая кланяться для приличия, с восхищением рассматривала дам, в большинстве своем высоких и стройных, дорого и модно одетых. На их прекрасных румяных лицах читалась радость, и она с грустью подумала, что они даже не подозревают, что такое разорение. Интересно, говорят ли в городе о том, что ее папочка обанкротился? Знает ли об этом семья Мишеля? Что, если... Она вздрогнула, и ее кавалер ласково погладил задрожавшую ладошку любимой:

– Что случилось, Ольга Зельдовна?

Она ничего не ответила, лишь покачала головой. Он стиснул ее руку и прижал к своей груди.

– Ольга Зельдовна, я понимаю, что здесь неподходящее место для объяснения, но не хочу ждать. Вы не можете не видеть, что я чувствую к вам. Умоляю вас, станьте моей женой, – словно боясь отказа, выпалил он, не дожидаясь ее ответа. – Завтра, если позволите, я приду к вам домой просить вашей руки.

Оля прерывисто задыхалась, от волнения ее щеки побледнели, на тонкой шейке пульсировала жила.

– Мне надо подумать, Мишель. Вы понимаете, что никто не дал бы вам быстрый ответ.

– Да, да, я понимаю. – Он продолжал сжимать ее маленькую ладошку. – Значит, завтра я у ваших родителей?

– Да. – Оле хотелось закричать от радости, но она сдержалась, как настоящая дама. – Да, конечно. Я буду вас ждать.

Мишель заметно повеселел, прибавил скорость, и девушка закрыла глаза от удовольствия. Она никого не видела, да и не желала видеть. Ее больше не интересовали ни члены царской семьи, ни деревья в заснеженном уборе. Она хотела лишь одного: чтобы скорее наступило завтра. Завтра, завтра Мишель сделает официальное предложение. А значит, не только она будет счастлива. Князь спасет ее семью от нищеты.

Мишель что-то нашептывал в маленькое ухо, прикрытое крупным черным завитком, но она не слышала. Волны блаженства окатывали ее с ног до головы, она словно плыла по ласковому теплему морю, уносившему ее в неведомую страну. Девушка опомнилась только тогда, когда князь, внезапно остановившись, сказал:

– Дорогая, уже четыре. Сейчас начнут расходиться.

Оленька открыла глаза и увидела, как пары одна за другой направляются к скамейкам, чтобы снять коньки. Они тоже подъехали к одной, где еще оставались свободные места. От волнения, по-прежнему охватывавшего ее, пульсировавшего в кончиках пальцев, Оленька долго не могла снять коньки, и Мишель пришел ей на помощь.

– Экая вы неловкая сегодня, – посетовал он и поправился: – Рассеянная какая-то. Вы совсем не слушали, что я говорил вам на катке.

Оленька встала, поправила немного съехавшую набок шляпку и, взяв его за руку, произнесла:

– Мишель, клянусь вам, вашего предложения мне достаточно. Я ждала от вас доказательств вашей любви, и вот... Пожалуйста, не говорите больше ничего, проводите меня до дома.

Князь понял, кивнул, и они молча пошли по дороге, прислушиваясь к скрипу свежего искрящегося снега. Снежинки мягко падали на лицо, на длинные ресницы девушки, таяли на щеках, напоминая слезинки, и Оленька продолжала купаться в блаженстве, чувствуя себя в гармонии с природой. На душе было так же хорошо, спокойно и прекрасно, как в заснеженном саду. Ее маленькая ладошка затрепетала в большой сильной руке Мишеля, и юноше передалось ее настроение. Он снова поцеловал маленькое ухо и с сожалением сказал:

– Как мне не хочется расставаться с вами! Но мы пришли.

– Да, мне пора. – Девушка на миг прижалась к широкой груди любимого, а затем бросилась к лестнице, откуда послала ему воздушный поцелуй. Она предвкушала разговор с родителями, их радостные и, может, удивленные лица. Что ни говори, а мамочка не верила, что Мишель сделает ей предложение. А он самый хороший, самый благородный на свете, сделал, не побоялся. И это должно спасти их семью от окончательного разорения.

Глава 4

Южноморск, наши дни

Полиция приехала довольно быстро. Не задавая лишних вопросов, они прошли на участок Илларионова. Следователь, стройный мужчина лет сорока, довольно симпатичный, с мужественным лицом, строгими голубыми глазами, густыми волосами пшеничного цвета, спортивной тренированной фигурой (такие обычно очень нравятся женщинам независимо от возраста), подергал дверь и бросил через плечо двум оперативникам:

– Вскрывать будем, ребята. Понятых нашли?

Один из оперативников, высокий, двухметровый, видимо, бывший баскетболист, бритый наголо, напоминавший скорее рэкетира из девяностых, чем работника правоохранительных органов, оглядевшись по сторонам, указал на застывшего у забора Зяму и прилепившуюся к нему толстую тетку Клаву:

– Да вот тебе и понятые. Чем плохи?

– Соседи? – осведомился следователь и, увидев синхронные кивки, попросил: – За документами сбегайте. Понадобится ваша помощь. Я следователь, майор Андрей Иванович Потапов. – Он вытащил удостоверение и помахал им перед соседями покойного.

На лице Зямы появилось выражение гордости, а тетя Клава запрочитала:

– Обед надо разогревать, скоро муж придет. Может, кого другого найдете?

Следователь был непреклонен:

– Муж и сам обед разогреет. А вы, гражданочка, помните, что государству помогаете. Кстати, мы здесь насчет вашего соседа. Поторопитесь, пожалуйста.

Тетя Клава вздохнула, принимая неизбежное, и поплелась домой. Зяма пошел следом, довольно улыбаясь и поправляя засаленную старую тельняшку. Он очень любил, когда в нем нуждались, – такое случалось крайне редко.

– Старуха небось долго копаться будет, – предположил баскетболист-оперативник Сергей Морозов, почесав бритый затылок. Но он ошибся. Тетя Клава появилась раньше Зямы, забывшего, куда он задевал паспорт.

Когда они наконец оба предстали перед светлые очи Потапова – это было его любимое выражение, он с деловым видом повернулся к Морозову:

– Давай разберемся с дверью простым проверенным способом.

Баскетболист понял его, кивнул и, немного отойдя от двери, рванулся к ней и сильно ударил ногой. Под мощным напором хлипкая старая дверь поддалась сразу, лишь жалобно скрипнув, и полицейские вошли в дом. Второй оперативник, Николай Ротов, в противовес товарищу маленький, щуплый, с густыми кудрявыми волосами, черными как смоль (он утверждал, что в его роду были цыгане, и он действительно чем-то смахивал на Будулая), сморщил курносый нос и закашлялся:

– Ну и вонища! Наверное, не первый день... – Он подошел к окну и попытался его открыть. – Ребята, заперто на шпингалеты. – Коля вернулся к двери. – Смотрите, в замке ключ. Спрашивается, как преступник – если только товарищ не сам свел счеты с жизнью – проник сюда?

Потапов бросил на него быстрый взгляд:

– Экспертиза сейчас подъедет. Когда мы сюда отправлялись, Борисыч начальству рапортовал. А вот, кстати, и он, – улыбнулся следователь, кивая толстенькому пожилому мужчине с длинным, с отчетливой горбинкой носом. Лицо его, изборожденное глубокими продольными морщинами, было желтоватым. – Еще раз здравствуйте, Самуил Борисович.

Эксперт Будкин потянул носом и сделал брезгливую гримасу.

– Да, несвежий у нас покойничек, – пробурчал он и подошел к хозяину, сидевшему на полу с петлей на шее. – Что тут у нас, самоубийство, что ли?

Тетя Клава заохала, зафыркала, но удержалась на ногах, Зяма стянул с головы кепку, такую же старую и засаленную, как тельняшка.

Андрей Иванович пожал широкими плечами:

– Вот ты и разберешься, где собака порылась.

– Воняет, не могу. – Борисыч достал из чемоданчика маску и натянул на лицо. – Так быстрее дело пойдет. – Он наклонился над трупом. – Веревка, как ты, Андрюша, видишь, обыкновенная, такие продаются в любом магазине, завязана простым узлом – не знаю, насколько это любопытно. Судя по трупным пятнам, смерть наступила дня три назад. Такое впечатление, что он надел веревку на шею, а потом грохнулся на пол. Таки да, больше сказать ничего не имею. – Эксперт любил пошутить, переходя иногда на одесский говор. – Мои санитары здесь, так что товарищ сейчас поедет в морг, и я проведу с ним кропотливую работу. – Он хлопнул в ладоши. – Надеюсь, там он будет более разговорчив. Иногда мне удается найти общий язык с покойничками. – Будкин хихикнул. – И ключик с собой прихвачу. Иногда вещи тоже вносят свою лепту.

– Очень надеюсь, – поддакнул и Андрей, потирая руки.

Санитары, два дюжих парня, собиравшиеся, как он знал, поступать в медицинский, легко, без брезгливых гримас, подняли распухшее тело и уложили на носилки. Когда Илларионова унесли, все вздохнули свободно. Борисыч снял маску и улыбнулся, показав редкие желтые зубы:

– Ну, я тоже погнал. Ежели понадобится помощь – знаете, где меня найти.

Переваливаясь на своих коротких ножках с полными ляжками, он, как шарик, выкатился из комнаты. Оперативники и следователь переглянулись.

– Товарищи... граждане... – послышался громкий голос тети Клавы, – если я вам больше не нужна...

– Да, подмахните вот здесь. – Морозов, писавший протокол, ткнул пальцем, показывая, где поставить подпись. Тетя Клава нарисовала круглую закорючку (наверное, так она расписывалась с детства) и поспешила за экспертом.

– А вас мы попросим немного задержаться. – Андрей посмотрел на Зяму, опиравшегося на спинку стула. – Да вы присаживайтесь, если устали стоять. У меня к вам будет несколько вопросов. Вы, как я понял, часто общались с покойным?

Павел замялся, обдумывая ответ. Он боялся, что его, чего доброго, запишут в подозреваемые, и майор это почувствовал.

– Мы пока никого не обвиняем, – сказал он, глядя в мутные глаза алкоголика, – возможно, наш эксперт придет к заключению, что это самоубийство. Поэтому отвечайте на вопросы правдиво и ничего не бойтесь.

Зяма шмыгнул красным носом в синих прожилках.

– Да с чего ему вешаться? – буркнул он в сердцах. – Ну, жена умерла от сердечного приступа полгода назад – он переживал, но вешаться не собирался. Как-то Игорь насчет этого красиво говорил, что-то вроде: «Человек жив, пока о нем помнят». Вон помидорчики и огурчики посадил, потому что так покойница делала. Вот и спрашивается, с чего ему вешаться?

– Насколько нам известно, Игорь Илларионов – простой сотрудник краеведческого музея вашего города. – Потапов стукнул по столу шариковой ручкой. – Не олигарх, не предприни-

мать, а обычный служащий с, прямо скажем, непривлекательной зарплатой. Неужели у него были враги? Или, может быть, кому-то из родственников не терпелось получить его домишко?

Слесарь хмыкнул и заморгал выцветшими глазами.

– Ну вы и скажете, товарищ следователь. Какие такие у него враги? Да Игорь, кроме меня, ни с кем и не общался. Пока его супружница жива была, они гостей к себе приглашали, с работы Игоря приходили две супружеские пары. Как только она отдала Богу душу, все о нем забыли, да он и сам не хотел, чтобы его тревожили. – Зяма немного помялся и продолжил: – Да, навещался я к нему поболтать, тоже один живу, скука смертная. Вроде он мне радовался: чаю предлагал, иногда что и покрепче – и мы говорили и говорили. Надо же человеку душу излить.

– И что же он изливал? – В этой фразе майора слышалась ирония, но Зяма ее не заметил:

– Да всяко-разно изливал. О музее печалился, гутарил, дескать, средства не выделяются, посетителей мало, закроют скоро, а там столько интересного материала. Было время, когда там писали диссертации, а теперь история города никому не интересна.

Следователь взглянул на оперативников. Морозов улыбнулся:

– Беспокойство за судьбу музея не могло послужить причиной убийства, если оно имело место, – проговорил он. – Кстати, наш новый мэр клялся-божился, что даст деньги на его развитие. Кто знает, может быть, он и выполнит свое обещание.

– Мне тоже так кажется. – Андрей снова повернулся к Зяме. – О чем же еще вы... гутарили?

– Клад какой-то он искал, – выпалил Павел, и полицейские насторожились.

– Какой клад?

– А я почему знаю? – процедил Зяма. – Об этом он не слишком разглагольствовал, боялся, поди. Я понял только, что какой-то документ Игорь откопал, вероятно, в своем музее. Ну, в том документе черным по белому и написано, где клад спрятан.

Полицейские снова переглянулись, уже встревоженно. Версия с кладом, если Самуил Борисович подтвердит убийство, имела право на существование, да еще как имела!

– И что же это за клад? – поинтересовался Андрей. – Золото, бриллианты или старинные монеты?

– Да не знаю я! – Павел начинал заводиться, нервничать, больше всего из-за того, что приближалось время обеда, а он еще не приобрел заветную бутылочку. – Не спрашивайте меня об этом. – Он стукнул кулаком по впалой груди.

– Ладно. – Потапов махнул рукой. – Вы говорили, что он был человеком одиноким. Неужели совсем без родственников?

– Совсем, – подтвердил слесарь, – детишек им Бог не дал. – Он вдруг оборвал себя и щелкнул желтыми от постоянного курения пальцами. – А ведь был у него родственник... Братец двоюродный. Только они почти не общались. Я, например, его только раз и видел, на похоронах Лидии, супружницы Игоря. Неприятный такой тип, вроде предприниматель. – Зяма вдруг оживился. – Вы его, товарищ следователь, проверьте. Только адрес его не подскажу. Зовут его... – Он снял кепку и почесал плешивую макушку, – Платон. Точно Платон.

– А фамилия? – уточнил Андрей, черкнув что-то в черном блокноте.

– Да откуда ж мне знать? – Зяма лихо сдвинул кепку на затылок, но его спитое личико приняло серьезное выражение. – Я так полагаю, ежели двоюродный брательник, фамилия другая.

– А если отцы – родные братья? – усмехнулся Морозов. Мышиные брови Павла задергались, он изобразил работу мысли.

– Ежели родные – тогда понятное дело. Тогда и искать будет легче.

– Хорошо, проехали. – Андрей немного покрутил головой: последнее время его беспокоила боль в шее, иногда перетекающая в голову. В местной поликлинике сделали снимок, уста-

новили диагноз «остеохондроз» и отпустили на все четыре стороны, выписав обезболивающие. Жена Ирина, узнав об этом, обругала врача и категорически запретила пить анальгетики.

– Они изменяют состав крови, – безапелляционно заявила она. – Обойдешься без них. А что касается остеохондроза – у кого его нет?

Следователь подумал, что жена, в общем-то, права, но не учла одного: с головной болью гораздо труднее соображать, чем без нее. Помучившись некоторое время, Потапов купил в аптеке лекарство, ничего не сказав жене, и тайком глотал таблетки, когда становилось невмоготу. Интернет предлагал массу упражнений, и следователь запомнил три, потому что их он мог делать и на рабочем месте.

– Посмотрите, пожалуйста, – снова обратился он к Зяме, – в комнатах ничего не пропало? Тот насмешливо фыркнул:

– Да тут и пропадать нечему. Аккурат после смерти Лидии, ну, не сразу, а месяца через четыре, Игорь стал продавать вещи. Мягкий уголок, который они с покойницей выбирали, диван, шкаф для белья. Да вы сами посмотрите, товарищ следователь, – он окинул взглядом гостиную, – тут же пусто. А в спальню зайдите... Игорек двуспальную кровать продал, а сам из сарая панцирную принес. И кухонные безделушки тоже продал.

– Зачем? – удивился Потапов. – Деньги были нужны?

– А вот этого он мне не говорил, – признался слесарь, переминаясь с ноги на ногу. – Так что, извиняйте, не ведаю. Может, брательник его как раз и знает.

Андрей встал и вышел в спальню, где оперативники деловито осматривали каждую вещь. Впрочем, это было громко сказано. Зяма оказался прав. Спальня была почти пустой: панцирная кровать и тумбочка.

– Давно такой обстановки не видал, – подал голос баскетболист. – Слышь, Андрюха, мысль у меня тут одна проскочила. Может, задолжал наш покойничек? Попытался расплатиться всем, что было в доме, но этого оказалось мало. Ну, и свел счета с жизнью.

– Проверим, – следователь наморщил лоб, собираясь с мыслями. – Ребята, если больше ничего не нашли, я поехал в отдел. Может быть, у Борисыча появились новости. А вы поговорите с соседями.

Оперативники не возражали. Все опечатав, они побрели к соседнему дому. Зяма услужливо бежал впереди, как верный пес, заочно знакомя полицейских со своими соседями. Потапов зашел за угол и открыл дверь новенькой черной «Ауди», его гордости. В отделе полиции знали, что это подарок тестя-предпринимателя зятю на сорокалетие. Правда, все равно находились такие, которые шептались о каких-то взятках, которые Андрей якобы берет за закрытие дела. Сначала это его обижало, потом он перестал обращать внимание: завистников хватало всегда и везде. Следователь сел за руль, завел автомобиль и тронулся с места, стараясь притормаживать на выбоинах и буграх.

Глава 5

Петербург, 1889

Княгиня Мария Раховская, высокая, смуглая и сухая, с острыми чертами лица и высокой прической – причудливым сооружением из черных волос, – все еще красивая и сознававшая это, встретила сына с плотно сжатыми губами. По ее недовольной гримасе, знакомой с детства, Мишель понял: мать не в духе. Сейчас она начнет жаловаться на жизнь, обвиняя отца, его самого, слуг, да кого угодно. Когда княгиня хандрила, объектом ее гнева мог стать любой. Юноша знал: часто хандра была вызвана тем, что у одной из ее подруг, княгини Рябовской или графини Шталь, появилось новое красивое платье или бриллиантовый гарнитур, который был не по карману князю Раховскому. Впрочем, такие всплески проходили так же быстро, как и возникали. Бедный папа каким-то образом находил нужную сумму, и на следующий день мать выезжала в обновке, затмевая подруг. Молодой офицер намеревался проскочить мимо родительницы и скрыться в своей комнате, но это ему не удалось.

– Мишель! – Голосу княгини мог позавидовать ротмистр. – Подойди сюда. Мне нужно с тобой поговорить.

Юноша повиновался с кислым видом.

– Сядь, – скомандовала Мария Раховская. – Сядь и слушай. Речь пойдет о твоей так называемой невесте Ольге Сегалович.

Мишель удивленно заморгал – божже, ей до всего есть дело!

– Мама, я не считаю нужным обсуждать это. Сегодня я сделал Ольге предложение, на днях официально попрошу ее руки у родителей и приглашу к нам в дом. Только не говорите, что я совершил что-то плохое. – Он попытался улыбнуться, но брезгливая гримаса матери пресекла эту попытку.

– Мишель, тебе известно, что Зельд Сегалович полностью разорен? – бросила она и сморкнулась в кружевной платок. – Сегодня это стало известно в обществе.

– Разорен? – удивился юноша. – Но она мне ничего... Впрочем, почему она должна была говорить мне об этом? Я женюсь не на ювелире, а на его дочери, которую люблю, и деньги здесь совершенно ни при чем.

– Мишель, – произнесла княгиня с французским прононсом, – ты ошибаешься. Жениться на бесприданнице – это моветон. Двери высшего общества для тебя закроются навсегда, твои друзья, дети влиятельных людей, от тебя отвернутся. Вы станете изгоями. Ты этого хочешь?

– Я хочу жениться на Ольге, – парировал Мишель. Княгиня фыркнула, и ее дряблые щеки затряслись.

– А захочет ли она за тебя замуж, если придется принести такие жертвы? – ехидно спросила она. – Твоя Оленька наверняка после свадьбы мечтает блистать в обществе, сознавая, что у нее все для этого есть. Все, кроме денег. Но каким горьким будет разочарование! Бесприданнице можно разве что посочувствовать – но не водить с ней дружбу.

Мишель покраснел, встал и топнул каблуком, да так, что зазвенела посуда на столе.

– Разговор закончен, мама. – С этими словами он направился на второй этаж, в свою комнату. Княгиня принялась нервно ходить из угла в угол, хрустя суставами пальцев. Когда

горничная доложила о приходе князя, она быстро глянула в зеркало в золоченой оправе, и ее лицо приняло более скорбное выражение.

Князь Раховский, широкоплечий мужчина среднего роста, с длинными кавалерийскими усами, быстро войдя в гостиную, чмокнул жену холодными с мороза губами и озабоченно спросил, с опаской ожидая ответа:

– Машиа, почему ты такая бледная? Болит голова?

Княгиня театрально заломила руки:

– Если бы ты знал, Серж, какое несчастье может постичь нашу семью!

Кашиановые усы дрогнули, полковник запустил пятерню в густую, чуть серебрившуюся шевелюру:

– Какое несчастье? Ты о чем?

Мария Раховская упала на стул, так убедительно застонав, что ей поверили бы корифеи сцены.

– Он хочет жениться, Серж!

Генерал сначала раздраженно фыркнул, потом небрежно бросил:

– И это ты называешь несчастьем? Мишелю давно пора жениться и остепениться наконец. Может быть, жена приберет его к рукам, и он в двадцать два года наконец перестанет быть инфантильным подростком.

– Я не против женитьбы нашего сына, – прошипела женищина. – Все дело в том, на ком жениться.

Князь присел на стул напротив жены.

– И на ком же он женится?

– Не женится, а собирается, – поправила его Мария. – Не дай бог, если это произойдет! Просто не представляю, как скажется эта женитьба на его положении в обществе! Он погубит нашу репутацию!

– Да объясни наконец, кто его избранница, – недовольно проговорил генерал, фыркая в усы.

– Эта нищая Сегалович. – Мария Раховская снова театрально закатила глаза. – Ты слышал, что недавно ее папаша остался без гроша?

– Зельд разорен? – Генерал озабоченно потер толстую шею. – Это весьма странно. Его салон считался одним из лучших в городе. Как же так?

– Мне совершенно не интересно, почему это произошло, – парировала княгиня. – Уверяю тебя: эта девка переступит порог моего дома только через мой труп.

– Ты говорила с Мишелем? – поинтересовался князь, нервно пощипывая усы.

– Да в том-то и дело, что говорила, – театрально вздохнула Мария и так же театрально смахнула слезинку, вовремя показавшуюся в уголке глаза. – Но эта наглая Сегалович околдовала его, он и слышать не хочет о расставании.

– Тогда я сам с ним побеседую... – Сергей Раховский встал было со стула, но потом снова опустился на него, словно передумав. – Значит, ты говоришь, что наш сын проявил стойкость?

– Да, о да, – прошептала женищина и смахнула капли пота со лба кружевным платком.

– Тогда мне он ответит то же самое. – Раховский развел руками. – Знаешь, дорогая, тут не надо рубить сплеча. Я считаю, что мы просто обязаны пригласить в наш дом эту девушку!

Княгиня вскочила так резко, что рукав ее платья зацепил стакан, и он, упав, разлетелся на мелкие, переливающиеся всеми цветами радуги осколки.

– Никогда! – вскрикнула она в сильном волнении.

Генерал подошел к ней и прижал к своей широкой груди:

– Да послушай меня, Маша. Я вовсе не желаю, чтобы эта девица породнилась с нами. Она не пара нашему Мишелю, это как пить дать. Но ты утверждаешь: он уперся. А если он уперся, сама знаешь, его трудно переубедить. Он даже способен предложить ей бегство. Разве девица в ее положении откажется от такого? Прояви мы упорство – они упорхнут и явятся уже венчанными, следовательно, нам придется принять ее в семью. Чтобы этого не случилось, нужно схитрить. Есть у меня кое-какие соображения.

– Что за шум? – В гостиную вбежал Мишель. – Мама, я ужасно хочу есть. Прикажи Даше подать что-нибудь. Кстати, и о чем вы тут так эмоционально беседовали? Не о моей ли женитьбе, часом? Смею вас заверить, мое решение непреклонно. Я люблю Ольгу, и она станет моей женой. И если вы не хотите потерять сына, то обязаны принять мою избранницу.

– Об этом мы и говорили, мой мальчик. – Отец подошел к нему и положил на плечо свою широкую ладонь. – Мы не возражаем и считаем, что ты должен пригласить эту девушку к нам в дом как можно скорее.

Голубые глаза Мишеля широко раскрылись от удивления:

– Вы серьезно? Но она же бесприданница! Какой удар по нашей чопорной семье!

– Подожди, не кипятись, – отец хрустнул пальцами. – Я поговорил с твоей матерью. Признаюсь честно, мы не в восторге от твоего выбора, но если ты действительно ее так любишь, мы тоже постараемся ее полюбить. Кстати, – генерал остановился на середине гостиной, – вы уверены в своих чувствах? Такими вещами не шутят. Ты уже взрослый мальчик и сам должен все понимать.

– Папа! – Глаза Мишеля сузились, и он топнул ногой.

– И все же я предлагаю проверить ваши чувства, – произнес князь безапелляционно. – Свадьба обязательно состоится, но через полгода. Все расходы наша семья возьмет на себя. Но, повторяю, не раньше чем через полгода. А пока вы можете встречаться как жених и невеста и... – он замялся, стараясь казаться убедительным, – мы с удовольствием примем ее у нас дома. Скажи ей об этом, мой мальчик. С сегодняшнего дня Оля Сегалович для нас желанная гостья. – Он бросил взгляд на жену, как бы спрашивая, достаточно ли убедителен он был? Мария едва заметно кивнула и добавила:

– Да, Мишель, что, если пригласить ее завтра? Ты знаешь, какие кушанья она предпочитает? Я прикажу Даше накрыть шикарный стол.

– Вам нужно будет познакомиться с ее родителями, – произнес молодой человек. – Они тоже должны быть в курсе, что через полгода мы поженимся.

– Разумеется, позже мы пригласим и их, – отмахнулся генерал. – Но сначала приведи свою избранницу. Как получилось, что мы ее ни разу не видали? Это твоя непростительная оплошность. А сейчас, – мужчина повернулся к супруге, – я бы хотел поужинать. Скажи Даше, чтобы накрывала на стол.

Мария поднялась и прошествовала в кухню. От нее не ускользнуло, что Мишель проводил мать удивленным взглядом. Женщина улыбнулась. Что ж, расчет мужа оказался верен. Правда, она не знала, какие у него соображения насчет того, как отвести бесприданницу от княжеского дома, но была убеждена, что у них все получится. Не может не получиться. Мишель никогда не женится на этой девице. Не женится – или она не урожденная графиня Белоусова.

Глава 6

Южноморск, наши дни

Приехав в отдел, Андрей первым делом отправился к Борисычу. Эксперт, толстый, потный, щелкая пальцами-сардельками, покрытыми черными волосками, возбужденно принялся рассказывать:

– Андрей, это не самоубийство, с чем тебя и поздравляю. Кому, как не тебе, известно, что, если человек решил повеситься, он дотрагивался до веревки и на его руках должны остаться волокна. На руках Илларионова никаких волокон нет, я проверил.

– Бывает, что волокна появляются оттого, что покойник перед смертью пытался сопротивляться и хватался за веревку, – проговорил Андрей, зная, что Борисыч учел и это.

– В таком случае, как тебе известно, на руках покойного должны остаться следы борьбы, – парировал эксперт, улыбнувшись. – Признайся, Андрюша, ты сказал это для красного словца.

– Чтобы разговор поддержать, – усмехнулся Потапов и помрачнел. – Значит, все-таки убийство. Я-то думал: «Как спокойно началось лето». А оно вон как...

Борисыч сочувственно развел руками:

– Се ля ви, как говорят французы. Кстати, у вас есть подозреваемые, господин следователь?

– Шутишь? – буркнул Потапов. Будкин, видя расстроенное лицо коллеги, поспешил выпалить вторую новость.

– А ведь я тебе не все сказал, – сообщил он радостно и взял со стола ключ, вытасканный из двери убитого. – Мне удалось разглядеть на этом, с позволения сказать, инструменте круглые бороздки. Знаешь, от чего они?

– Дубликат? – предположил Андрей.

– В том-то и дело, что нет. – Эксперт потирал руки. – Это уистити. Помнишь такой инструментик?

– Отчего ж не помнить? Помню. – Андрей не лукавил. Правда, он давно не встречался со случаями использования уистити, инструмента, изготовленного преступниками для отпирания замков. Этот инструмент выглядел как щипцы с полукруглыми и удлиненными концами, иногда с насечками на внутренних поверхностях. Раньше, в двадцатом веке, уистити был незаменим. Преступники захватывали им конец ключа, оставленного хозяином в запертом изнутри замке (бедняга думал, что так безопаснее) и поворачивали его. Разумеется, дверь открывалась, гостеприимно впуская их в квартиру.

Когда-то Потапов с удивлением узнал, что своему названию щипцы обязаны маленькой обезьянке из Южной Америки, пальцы которой были вооружены когтями. Может быть, они напоминали воровской инструмент? Впрочем, у бандитов всегда была хорошая фантазия.

– Это подкрепляет версию об убийстве, – добавил Будкин, несмотря на то что в том, что это именно оно, ни он, ни Андрей не сомневались. – Чайку хочешь? У меня хороший, цейлонский.

– Где ты хороший чай-то отыскал? – съехидничал майор. – Такой днем с огнем ни в одном магазине, даже фирменном, не найдешь. То ли дело в советское время. – Он улыбнулся. – Теща моя постоянно вспоминает, какой в Советском Союзе был чай. Даже грузинский, на который

все косо смотрели, не сравнить с тем, что продают сейчас. Мы с Ириной самый дорогой берем, все равно пить невозможно.

– Вот поэтому я и предпочитаю в пакетиках, – сказал Борисыч, выключая булькающий электрочайник. – Ну как, составишь компанию? У меня и печенье хорошее есть.

Андрей покачал головой:

– Спасибо, дорогой, только у меня дел по горло. Я еще не докладывал начальству про наш труп. Представляешь лицо Петровича? Он не обрадуется, это точно.

– Наверняка, – согласился эксперт, представив суровое лицо полковника Котельникова, мечтавшего о генеральских погонах и требовавшего раскрытия дел в кратчайшие сроки. Он вызывал в кабинет всю братию и начинал пугать их страшными проверками, приездами высокого начальства, лишением премий и отпусков. Вот и это дело стопроцентно не станет исключением. Подумав о Котельникове и о его выпученных рачьих глазах болотного цвета, Андрей дернулся. Самым неприятным было то, что и докладывать пока, собственно, нечего. Полковник любил, чтобы у его подчиненных намечались подозреваемые, а таких у Потапова на данный момент не предвиделось. Следовательно, ничего хорошего в кабинете начальства его не ожидало.

Глава 7

Санкт-Петербург, 1889

– Мишель, вы не шутите? Ваши родители действительно не станут препятствовать нашей свадьбе? – Они сидели в саду на скамейке, с серого неба вместо пушистого снега сыпалась какая-то мокрая крупа, но влюбленные ничего не замечали. Взгляд черных глаз Оленьки жег Мишеля, наполнял его каким-то сладостным чувством, и он страстно желал заключить ее в объятия. До чего же красива его избранница! До чего умна и образованна! Став его женой, она будет блистать в светских салонах. Он осыплет ее драгоценностями, мать наверняка подарит фамильные бриллианты, которые передавались по наследству в их семье.

– Не шучу, дорогая, – молодой человек нежно провел по розовой щечке, – чтобы вы не сомневались, они приглашают вас в гости. Да, да, сегодня на ужин. Мама спросила, что вы любите, но я заверил ее, что вы будете рады всему. Правда здорово, что они не стали чинить нам препятствия? Впрочем, – он гордо выпрямился, – никакая сила не заставила бы меня отказаться от вас. Не поверите, но я уже планировал бегство. Мне известны случаи, когда влюбленные бежали и венчались в какой-нибудь сельской церкви: нужно было только заплатить батюшке. А потом они бросались к ногам родителей – и те уже не думали об их разлучении.

Гладкий лоб Оленьки прорезала тоненькая, как ниточка, морщинка.

– Но это неправильно, – тихо сказала она, – это нехорошо. Так в приличном обществе не делают. И потом, не представляю, как бы я жила без благословения ваших родителей. Я постоянно чувствовала бы, что им не мила. Это мешало бы нашему счастью.

– А мне бы ничего не помешало, – усмехнулся Мишель и сжал ее руку. – Жаль, что придется ждать полгода. Я бы хотел назвать вас своей женой уже завтра.

– Полгода! – Оленька улыбнулась одними уголками губ, чтобы подбодрить возлюбленного. Такой срок ей казался очень долгим. – Впрочем, что стоит подождать полгода? Я не мыслю без вас своей жизни. А что такое полгода по сравнению со всей жизнью?

Мишель сжал ее ладошку:

– Вы правы. Тогда, умоляю, пойдите к нам. Родители ждут. И помните: вы не можете им не понравиться.

– Я все сделаю ради вас. – Она сверкнула черными глазами и оперлась на его руку.

Дом князей Раховских находился недалеко от Юсуповского парка. Отгороженный каменным забором с железными воротами, двухэтажный каменный дом в стиле барокко поражал благородством линий. Несмотря на то что особняк стоял здесь уже много лет, он не выглядел ветхим: княжеская чета об этом заботилась. От ворот к дому вела широкая въездная аллея. Парадный двор, своими сложными криволинейными очертаниями скрадывающий асимметрию основной планировки, опоясывала декоративная ограда со львами, державшими в зубах цепи. Великолепие особняка произвело на Оленьку, никогда прежде не бывавшую в подобных домах, огромное впечатление, и она затрепетала, как пойманная в силки лань, по ее тонкому лицу

разлилась восковая бледность. Она смертельно боялась встречи с родителями Мишеля, представляя их высокомерными, чопорными и – хуже всего – с презрением относящимися к таким, как она. Однако когда на крыльцо вышла улыбающаяся княгиня в соболиной накидке на узких плечах и широко улыбнулась, показывая великолепные белые ровные зубы (улыбка молодила ее, и Мария это знала), девушка немного успокоилась. Она не заметила, как по худому, высохшему лицу аристократки скользнула тень. Сделав над собой усилие, женщина приветливо заговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.